

О ЧЕМ ГОВОРИЛ УЧИТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ВОЙСКОВОЙ СТАРШИНА А. ЛЕОНОВ «НА ТОРЖЕСТВЕННОМ АКТЕ» НОВОЧЕРКАССКОЙ ГИМНАЗИИ 12 АВГУСТА 1854 ГОДА?

А.А. Волвенко

Аннотация. В статье анализируется содержание речи войскового старшины А.А. Леонова, произнесенной в Новочеркасской гимназии 12 августа 1854 года. Приводятся также краткие биографические сведения о А. Леонове, раскрывается его роль в образовательном и культурном процессах на Дону в середине – второй половине XIX в. Значение речи А. Леонова рассматривается в контексте общественно-политической ситуации, сложившейся на Дону в 1850–начале 1860-х гг., а также на фоне событий из общероссийской истории. Содержание речи представляет собой один из первых историографических обзоров исторической литературы по истории донского казачества середины XIX в. Особенное внимание А. Леонов уделил проблеме происхождения донского казачества, выступая с критикой представлений о казачестве как «особом народе». Отсутствие «настоящей», «неискаженной» истории донского казачества А. Леонов связывал с наличием у историков небольшого количества источников, позволяющих получить «правдивый» образ донского казачества. Речь А. Леонова также свидетельствует о наличии раскола среди представителей образованного казачества 1850–1860-х гг., находящихся в поисках своей идентичности, в том числе, в состоянии выбора между «казацким» народом или частью «русского мира».

Ключевые слова: А.А. Леонов, Новочеркасская гимназия, история донского казачества, проблема происхождения казачества, историография.

Волвенко Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, и.о. заместителя директора по научной работе Таганрогского института имени А.П. Чехова – филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 347936, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Инициативная, д. 48, avolvenko@mail.ru.

WHAT DID THE TEACHER OF RUSSIAN THE ARMY FOREMAN A. LEONOV “ON THE SOLEMN ACT” THE NOVOCHERKASSK GYMNASIUM SPEAK ON AUGUST 12, 1854 ABOUT?

A.A. Volvenko

Abstract. The article analyzes the content of the speech pronounced by the army foreman A.A. Leonov in the Novocherkassk gymnasium on August 12, 1854. Also, it provides short biographic information about A. Leonov, his role in educational and cultural processes in the Don region in the middle and second half of the 19th century. The significance of the A. Leonov speech is considered in the context of the social and political situation in the Don region in 1850–beginning the 1860s and events of Russian history. The content of the speech represents one of the first historiographic reviews of historical literature on the Don Cossack history in the middle of the 19th century. A. Leonov gave special attention to the problem of the Don Cossacks origin, criticizing ideas of Cossacks as “special people”. A. Leonov connected the lack of the “real”, “undistorted” history of the Don Cossacks with a small number of sources providing a “truthful” image of the Don Cossacks. Leonov’s speech also testifies to the existence of a split among representatives of the educated Cossacks of the 1850s and 1860s, who are in search of their identity, including in the state of choice between the “Cossack” people or part of the “Russian world”.

Keywords: A. Leonov, Novocherkassk gymnasium, history of the Don Cossacks, problem of origin of the Cossacks, historiography.

Volvenko Alexey A., Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Acting Deputy Director for Scientific Work of the Taganrog Institute of A.P. Chekhov – Branch of Federal Statefunded Educational Institution of the Higher Education of the Rostov State Economic University (RINH), 48, Initsiativnaya st., Taganrog, Rostov region, 347936, Russia, avolvenko@mail.ru.

Общественно-политическая ситуация на Дону в начале 1860-х гг. характеризуется активными печатными дебатами о роли и значении казачества. Ярким примером такой полемики может служить выход статьи генерала И.И. Краснова «О народности в войске Донском» в апрельской книжке «Военного сборника» за 1862 г. (№ 4), и критический ответ на нее, размещенный в «Донских войсковых ведомостях» (1862. № 39, 40), с названием «Как поступали в казаки?» под авторством известного на Дону педагога, поэта и чиновника А.А. Леонова. О содержании этой дискуссии мы уже писали ранее, разбирая феномен «казакоманства» [Волвенко, 2015, с. 194–198]. Собственно тогда у нас впервые и возник интерес к фигуре А.А. Леонова и к его речи, произнесенной «на торжественном акте» Новочеркасской гимназии 12 августа 1854 г. на тему «О пособиях по изучению истории Войска Донского» [Артинский, 1907, с. 380–390]. Обращение к этой речи было обусловлено стремлением показать идейную преемственность взглядов А.А. Леонова на историю донского казачества, на процесс его формирования как войскового сообщества. Напомним, что И.И. Краснов отстаивал идею «составления войска Донского, преимущественно из русских выходцев», пользующихся правом свободного перемещения в войско и выхода из него, до ограничения такого права Комитетом об устройстве войска Донского 1819 г. А.А. Леонов, соглашаясь с мыслью о доминировании великорусского элемента в казачьих рядах, напротив, заявил о том, что «совершенной свободы вступления в Войско, в звание казака, никогда не было», причем такое «правило» стало нарушаться именно в первую половину XIX в. Печатная дискуссия Краснова и Леонова, казалось бы, на вполне историческую тему на самом деле иллюстрировала отношение представителей образованной части донского казачества к проектам Военного министерства начала 1860-х гг. по преобразованию казачества, подразумевающих предоставление права свободного выхода из войска и поступления в него, в том числе лицам не казачьего происхождения. И если Краснов поддерживал такие планы, предостерегая от искусственного, как он считал, создания отдельной казачьей «народности», то Леонов предпочел сосредоточиться на критике генеральского представления о прошлом, показывая тем самым отсутствие исторических предпосылок для реализации планов министерства по преодолению «замкнутости» казачества.

С момента обнаружения упомянутой речи Леонова в «Очерках истории Новочеркасской войсковой гимназии» (1907) И. Артинского мы планировали вернуться к более детальному ее разбору. Уже тогда нам казалось, что значение этой речи представляется ничуть не меньше, а может быть и больше, чем участие Леонова в печатной полемике с генералом Красновым.

Однако сначала несколько слов скажем о самом Леонове. О его биографии, кроме дореволюционных кратких известий, имеются небольшие заметки современного волгоградского краеведа Н. Бичехвоста [Бичехвост, 2011] и сотрудницы Старочеркасского музея-заповедника А.Н. Поляковой [Полякова, 2018]. Алексей Алексеевич Леонов (1815–1882 гг.) имел казачьи родовые корни и хорошее по меркам XIX в. образование. После окончания Харьковского университета он с 1840 по 1865 гг. преподавал в различных образовательных учреждениях войска

Донского, являясь учителем истории, русского языка и географии, французского и немецкого языков. В 1850–1860-е гг. его постоянным местом работы становятся Новочеркасская гимназия и Мариинский Донской институт. Преподавательскую деятельность Леонов совмещал с исследовательской в Донском статистическом комитете, членом которого состоял, и литературной, сочиняя стихи и публикуя статьи на исторические темы сначала в местных ведомостях, а затем и в других изданиях. В 1839 г. в Харькове выходит его первый сборник стихов, положительно встреченный В.Г. Белинским [Белинский, 1953, с. 231–234]. Именно благодаря увлечению поэзией Леонов становится заметной фигурой в культурной жизни Донского края. Судя по всему, в середине 1860-х гг. Леонов разменивает учительство на чиновничью службу. Он становится членом комиссии по подготовке донской земской реформы, активно работавшей в 1866–1867 гг. при атамане А.Л. Потапове [РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 33, л. 305–307]. В 1869 г. Леонов уходит в отставку, сосредоточившись на литературной и публицистической деятельности. В 1882 г. в год смерти А.А. Леонова в Москве издается полное собрание его стихотворений [Стихотворения, 1882]. На Дону творчество поэта пользовалось популярностью, об этом косвенно свидетельствует содержание известной «Донской хрестоматии» (1918 г.), в которой стихи Леонова встречаются наиболее часто [Донская хрестоматия, 1918, с. 112–114, 119, 126–128, 130–131, 137, 143].

Для лучшего понимания содержания упомянутой речи Леонова обратимся к событийному контексту, на фоне которого она была произнесена. С января 1854 г. директором Новочеркасской гимназии становится А.А. Попов 5-й. Он приходился сыном первому директору гимназии А.Г. Попову, который в начале XIX в. издал «Историю о Донском войске». В этой книге, ставшей первым историческим сочинением «донца о донцах», говорится о древних корнях донского казачества, произрастающих от амазонок и скифов. В 1854 г. сменился министр народного просвещения, вместо князя П.А. Ширинского-Шихматова им стал А.С. Норов. Последний отличался более либеральным подходом в деле просвещения народа, хотя, конечно, вряд ли на Дону к 12 августа 1854 г. успели в полной мере ощутить изменения в образовательной политике, связанные с деятельностью А.С. Норова. В это время Крымская война уже набирала обороты, прошла бомбардировка Одессы, англо-французский флот получил оружейный ответ от береговых укреплений Севастополя, а до высадки экспедиционного корпуса англо-французских войск в Евпатории оставалось 3 недели. В 1852–1853 учебном году в Новочеркасской гимназии насчитывалось 242 обучающихся. Причем, если до этого времени количество гимназистов последовательно уменьшалось (по 20–30 чел. в год), то затем желающих получать образование казаков становится из года в год больше [Артинский, 1907, с. 156], и в 1858 г. уже числилось 450 учеников [Филонов, 1859, с. 68]. Их обучал преподавательский коллектив, по штату состоящий из 20 учителей, не считая тех, кто занимал административные должности [Артинский, 1907, с. 168]. «Чтение уроков» в гимназии прекращалось в конце мая, затем в июне проходили «частные испытания» (вступительные и переводные экзамены), а с «половины августа учебная жизнь опять возобновлялась» [Артинский, 1907, с. 162]. Таким образом, речь Леонова 12 августа более чем вероятно приходилась на начало нового учебного года.

Первыми словами Леонов раскрывает «заказчика» речи: «Ученый совет гимназии поручил мне...», обозначает ее тему: «о пособиях для изучения истории Войска Донского» и объясняет свой интерес к ней: «близка к сочувствию нашему», и «не совсем лишена некоторой оригинальности и новизны в области науки» [Артинский, 1907, с. 380].

По мнению Леонова, «жизнь и деяния донцов принадлежат истории, как по особенному своеобразному проявлению в них жизни русского народа...». Он призывает освободиться от «ложного и узкого взгляда» на казачество как на «бродяг и разбойников, подобно диким племенам Африки и Америки», не имевших никакого значения для истории...». Этому должна способствовать сама «история», которая, по утверждению Леонова, «верно и беспристрастно» оценит казачество, «этот прекраснейшей цвет русского духа, согретого пламенным усердием к Вере и самой страстной любовью к родине, русского молодечества, не знавшего никаких преград, предававшегося полному разгулу своей боевой жизни, горевшего неутомимой жаждой мщенья и непримиримой вражды к магометанству и варварству Азии» [Артинский, 1907, с. 381].

Необходимым условием для «изображения исторической судьбы какого-либо народа или общины» Леонов считает использование не только «внешних», но «внутренних» фактов. Под последними он понимал проявления «жизни народа и его гражданского и семейного быта, внутреннего гражданского устройства общества и его религии, нравов, обычаев, поверий языка и народной литературы», а также «физические свойства народа и самой страны, где он обитает» [Артинский, 1907, с. 381]. Затем Леонов задается риторическим вопросом: «...насколько известна нам историческая личность, характер и судьба этой воинственной общины (Донского войска — *А.В.*)?». По его мнению, данные о донском казачестве «большею частью отрывочны, сбивчивы и неопределенны», а говорить об «отдельной самостоятельной истории Дона» вообще не приходится, т.к. «мы даже не имеем и попытки в этом роде» [Артинский, 1907, с. 382]. Леонов объясняет такое «неутешное» положение тем, что до сих пор в государственных архивах не ведется работа по выявлению и изданию источников по истории казачества, а имеющихся по теме «малочисленных и кратких выписок», принадлежащих «незабвенному историографу Карамзину» явно недостаточно. Леонов убежден, что организация подобной архивной работы должна быть патронирована войсковой администрацией и правительством, иначе «попытки частных лиц были и будут всегда недостаточны». Он акцентирует внимание на том, что «немногочисленные и бессвязные факты из жизни донского казачества, которые встречаются на страницах русской истории, не дают ещё никакого понятия об этом историческом явлении...». Это, в свою очередь, приводит к «ложному взгляду на значение и судьбы казачества», «неверным» фактам и «искажениям» в его истории. Леонов утверждает, что «наша публика», а также «большая часть России не знает ни донцов, ни их истории, ни страны, ими обитаемой». Более того, даже представители «образованного класса», но не бывавшие на Дону, считают казаков «полуазиатцами», говорящими если не на чистом татарском или калмыцком языках, то на «чудной смеси нескольких языков, весьма малопонятных для

русского человека», еще и удивляясь тому, что «донцы — христиане» [Артинский, 1907, с. 383–384]. «А между тем любопытный турист проезжая богатые станции донские — по словам Леонова — с изумлением видит русские лица, слышит русский язык прекрасного, чистого московского наречия, песни, столь близки его сердцу..., встречает старинную русскую приветливость и русское хлебосолие и видит золоченые главы церквей, воздвигнутых набожностью, усердием христоролюбивых воинов Дона. Как жестоко он обманут! Он думал найти совсем не то». Землю войска Донского Леонов объявляет terra incognita как для обывателей, так и для «ученых», «литераторов», включая «писателей русской истории» [Артинский, 1907, с. 384]. Чтобы не быть голословным, он ссылается на учебник русской истории Н.Г. Устрялова, к известному отрывку из него, в котором утверждается, что донские казаки «образовались в виде особенного народа» из слияния потомков древних половцев, черкесов, русских удалцов, беглых поляков, молдаван и татар, причем такая смесь племён «отразилась в чертах казаков, в их языке, в самом образе жизни». Леонов с сожалением констатирует, что такие слова о донском казачестве «заучивает юношество русское» и опровергает их при помощи трех тезисов. Как нам представляется, данные тезисы являются центральной частью его речи, поэтому приведем их полностью: «...Во-первых, не только народ казацкий не возникал никогда из слияния разноплеменных людей, но даже никакого народа казацкого нет и никогда не бывало. То, что историки принимают за особенный народ — казаков, в отношении к донцам есть только особенное, частное проявление отдельной массы русского народа, историческая корпорация, община, образовавшаяся не случайно, но вследствие исторической необходимости... Во-вторых понятие о народе отдельном, самобытном предполагает союз родов и племён говорящих непременно своим собственным, им только одним принадлежащим языком. Поэтому донцы, говоря искони чисто русским языком, великорусским наречием его, не могут быть почитаемы за народ отдельный от русских. В-третьих, историк принял явление казачества вообще в южных пределах нынешней России за частное явление казачества донского и смешал разнородных казаков в одно с донскими. Наши донцы как явление чисто русского мира, не имеют ничего общего ни с половцами и черкесами, ни с турками и берендеями; мы не должны быть смешиваемы ни с черными клобуками, ни с ордынскими и азовскими казаками, они были и есть чисто русские люди» [Артинский, 1907, с. 385]. Леонов отчасти соглашается с утверждением о том, что в «чертах» казаков присутствует «нечто азиатское». Но объяснение этому он видит не в происхождении казаков, а в их умении «удовлетворить в себе дух славянского женолюбия своим особенным, им одним доступным способом, силой добывая себе красавиц жен Синопа, Трапезонда (так в тексте — А.В.), в ущельях Кавказа, у персиян и татар...» [Артинский, 1907, с. 386].

От Устрялова Леонов переходит к критике В.Б. Броневского как «более других знакомого с историей и обычаями донцов», что, впрочем, не помешало и ему «впасть в не менее грубые заблуждения». В интерпретации Леонова «история Донского Войска Броневского представляет какую-то нестройную массу фактов, известий без связи, без внутренней идеи и цели» [Артинский, 1907, с. 387]. Леонов вновь говорит о Карамзине в контексте оценки историком «исторической судьбы и деяний

донцов». Он считает ошибочным взгляд Карамзина на донскую казачью общину как на «какую-то независимую республику, подобно римской, не признающую ни чьей власти, кроме своего войскового круга, готовую служить тому, кто более дает, часто враждебную и туркам, и самим русским». По мнению Леонова, «письменные свидетельства сношений правительства с донцами показывают всегдальнюю и несомненную зависимость сих последних от России». «Вольность» использовалась казаками по отношению «к их внутреннему, гражданскому и домашнему беспорядку, но не к их политической самостоятельности», а так же, как утверждает Леонов, проявлялась в «поисках» по Волге, взятии Азова, покорении Сибири и была характерна для отдельных лиц и отрядов, но не для всего казачьего сообщества [Артинский, 1907, с. 387–388]. Рассуждая об известном труде А.И. Ригельмана «История, или повествование о Донских казаках...» А.А. Леонов выделяет главную и единственную «заслугу» автора – являясь современником некоторых описываемых в книге событий «у него встречаются драгоценные подробности и заметки о быте и внутреннем устройстве войска, но они малочисленны и не выкупают того недостатка и путаницы, которыми наполнена почти вся его история» [Артинский, 1907, с. 388].

Завершая обзор литературы по истории казачества, Леонов обращается к воображаемому будущему историку Дона, которому, по его мнению, «предстоит завидная и прекрасная участь, оправдать донцов пред судом потомства, смыть с них те пятна, которыми заклеили их недоброжелательство или простодушное невежество... и объяснить самую политику русского правительства в отношении к казакам и вообще показать их такими, какими они были действительно...» [Артинский, 1907, с. 389]. Леонов с иронией упоминает о тех, кто пытается «породнить» донцов с амазонками, египтянами, хазарами. Для него такие построения являются «игрой народный фантазий, игрой русского ума, который любит иногда красное словцо». Наконец, Леонов переходит к главной «цели» своей речи – к рассмотрению таких «пособий» по истории донского казачества, которые по возможности должны способствовать «верному» ее изучению. Для того, чтобы «иметь настоящую историю Донского Войска», он считает необходимым, во-первых, «издание возможно верное...» [Артинский, 1907, с. 390]. Однако буквально на этих словах речь Леонова прерывается. Автор «Очерка истории Новочеркасской войсковой гимназии» И. Артинский поясняет, что окончание речи не сохранилось. Судя по объему других подобных речей, приводимых в «Очерке», леоновская речь была произнесена на 2/3 и явно клонилась к завершению. Но оборвалась она, пожалуй, на самом важном месте. И если под первым пунктом в перечислении Леонова угадывается издание «Исторического описания Земли войска Донского» В.Д. Сухорукова, то по поводу содержания остальных пунктов («пособий») мы в своих предположениях не так уверены. Кажется, что Леонов уже упомянул практически все труды казачьей тематики, известные его современникам. Возможно одним из таких «пособий», по мнению Леонова, являлись еще неизвестные широкой публике «Исторические сведения о Верхне-Курмолярской станице» Е.Н. Кательникова. Не исключено, что А.А. Леонов мог также рекомендовать труд И.Н. Болтина «Примечания на историю Древняя и Нынешняя России

Г. Леклерка...» (1788). Точка зрения этих двух авторов на происхождение донских казаков была близка Леонову. Так, Е.Н. Кательников отмечал, что «донской казачий род есть российский природный» [Кательников, 1886, с. 5], а Болтин писал о происхождении малороссийских и донских казаков от «Руских» [Примечания, 1788, с. 339]. Вероятно, А.А. Леонов, активно участвовавший в деятельности местного статистического комитета по сбору и обработке архивных материалов по истории войска Донского, мог также настаивать на их публикации. Конечно, это всего лишь догадки. Однако косвенно в их пользу свидетельствуют размещение на страницах «Донских ведомостей» в 1860 г. труда Е.Н. Кательникова [Историческое сведение, 1860], издание книги В.Д. Сухорукова в 1867–1872 гг. [Историческое описание, 1867–1872], а также появление в печати сборника актов (архивных) материалов И.П. Прянишникова (1864) [Прянишников, 1864].

При анализе содержания речи необходимо помнить о том, что в письменном виде она не «принадлежит» самому автору, т.е. это не леоновский текст доклада, который он, например, мог зачитать. Эта речь «принадлежит» тому, кто ее записал, а И. Артинский (1874 г. рождения), скорее всего, обнаружил ее уже в архиве. И мы должны исходить из ситуации доверия к этому неизвестному, к тому, что он все правильно (почти дословно) законспектировал, не додумывая что-либо от себя. Судя по всему, этот неизвестный был очень старательным и ответственным учеником/коллегой, т.к. записывал явно повторяющиеся по смыслу целые выражения Леонова. В этих повторениях явно виден ораторский (учительский) прием — акцентирование внимание слушателей на важной теме через неоднократное обращение к ней. Такой темой или тезисом стало рассуждение Леонова о том, что для написания истории «народа», необходимо знать главные его компоненты (быт, нравы, религию, язык, литературу и пр.), а так как о донских казаках поданным Империи, включая наиболее просвещенную их часть, известно мало, поэтому распространённые среди них исторические представления и редкие «истории» о донском войске оказываются «неверными», «искаженными», «ложными» и пр. Данный тезис является определяющим в условной первой части речи. Во второй части Леонов обращается к критике конкретных произведений историков, в которых упоминается о казачестве, а в третьей, он должен был перечислить, и, видимо, охарактеризовать «правильные», по его мнению, труды казачьей тематики. Очевидно, что в своей критике Леонов отталкивался как раз от тех «пособий» (материалов), которые, остались за пределами записанного текста речи. Леонов рассматривает проблему происхождения донского казачества на основе своего твердого убеждения — казаки, донские в частности, «не могут быть почитаемы за народ отдельный от русских». Такое внимание с его стороны к упомянутой проблеме как минимум свидетельствует о ее актуальности для того времени (а в интерпретации Леонова — об «оригинальности и новизне»).

М.М. Бахтин писал: «Всякое высказывание всегда имеет адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т.п.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает» [Бахтин, 1986, с. 322–323]. Адресат речи Леонова, на первый взгляд, очевиден. Это его

ученики и коллеги. Но думается, что, готовясь к речи, озвучивая ее, Леонов, тем самым, косвенно обращался и ко всему донскому образованному обществу, и даже к тем, которые никогда не были на Донской земле, а их знания о казачестве были случайными. Рассчитывал ли он на поддержку непосредственных слушателей, на разделение его идей просвещенным большинством за стенами гимназии или он рисковал подвергнуться ответной критике, отстаивая, возможно, мнение меньшинства, это вопрос, который пока остается открытым. Однако можно быть уверенным в том, что Леонов-учитель на своих занятиях мог неоднократно возвращаться к теме создания «настоящей», «правдивой» истории донского казачества, увеличивая количество сторонников мнения о донских казаках как об «особенном, частном проявлении отдельной массы русского народа».

* * *

По словам Леонова, большинство подданных Империи имеет неправильное, искаженное представление об истории донских казаков, их самих и земле, ими занимаемой. Причины этого явления Леонов видел в отсутствии адекватных источников, позволяющих получить «правдивый» образ донского казачества. Как здесь не вспомнить дневниковые записи уроженца Смоленской губернии и выпускника Санкт-Петербургского Главного педагогического института А. Филонова, который с удивлением и открытием для себя описывал приезд на Донскую землю и все увиденное в ней на протяжении своего учительства в Новочеркасской гимназии с середины 50-х г. по начало 60-х гг. XIX в. [Филонов, 1859, с. 1–12]. Не думаем, что филоновские «открытия» по отношению к Дону и его населению были эксклюзивными. Н. Добролюбов с присущим ему сарказмом (и не без личного пристрастия) содержание заметок А. Филонова вообще оценил как «любопытный пример того, каким образом можно получить в Петербурге окончательное образование и быть совершенно невинным младенцем относительно всех предметов природы и общезжития» [Добролюбов, 1962, с. 475]. Тем не менее, в рассказах непрофессиональных путешественников, держащих путь из внутренней России на окраины, по крайней мере до конца XIX в., доминируют описания «необычных» нравов, традиций и облика местных жителей, как раз из-за первоначально скудных знаний об объектах своего внимания. Развитие коммуникаций, средств связи и периодической печати способствовало большему «узнаванию» гражданами своей собственной страны. И можно только догадываться на чем сделал бы акцент учитель истории или русской словесности Новочеркасской гимназии, если бы он пустился в рассуждения о казачьей истории, например, открывая занятия нового 1913/1914 учебного года.

Речь Леонова является примером одного из первых историографических обзоров литературы о казачестве. Кроме того, она вскрыла факт наличия раскола среди представителей образованного казачества, находящегося в поисках своей идентичности, в том числе в состоянии выбора между «казацким» народом или частью «русского мира». Донскому обществу предстояло прожить еще 8 лет до того момента, как И.И. Краснов, обращаясь к своим идейным оппонентам, напишет о «донской народности» явно в «националистическом» ключе, а А.А. Леонов, оставаясь

верным себе, не заметит в казаках ни «народа», ни тем более «народности», больше настаивая на важности памяти об исторических правах казачьего войска «как единой и нераздельной по составу и духу своему» общины.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Артинский И. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск: ОВД типография, 1907. 469 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Том третий. Статьи и рецензии (1839–1840). Пятидесятилетний дядюшка. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953. 682 с.

Бичехост Н. Леонов Алексей Алексеевич, донской поэт (17.07.2011). URL: <http://www.serafimovich.org/leonov-a-a.html> (дата обращения – 08 апреля 2019 г.).

Волвенко А.А. Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.). Ч. III. // Русская старина. 2015. № 3 (15). С. 194–207.

Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9-ти томах. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. 615 с.

Донская хрестоматия. Для донских народных школ. Новочеркасск: Типография Управления Артиллерии войска Донского, 1918. 409 с.

Историческое описание Земли Войска Донского. Новочеркасск: Издание Войскового Статистического Комитета, 1867–1872. Кн. 1–2.

Историческое сведение Войска Донского о Верхней Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний Евлампия Кательникова 1818 г. декабря 31 дня // *Донские войсковые ведомости*, 1860. №№ 12–16.

Кательников Е.Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск: Обл. Войска Дон. стат. ком., 1886. 63 с.

Полякова А.Н. «Потомок вспомнит обо мне...» (О донском поэте А.А. Леонове) (24.11.2018). URL: <http://avtor-dona.ru/bibliodom/leonov-a-a.html> (дата обращения – 08 апреля 2019 г.).

Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка / Сочиненная генерал-майором Иваном Болтиным. СПб.: Тип. Горнаго училища, 1788. Т. 1. 615 с.

Прянишников И.П. Материалы для истории Войска Донского: Грамоты. Новочеркасск: В войсковой тип., 1864. 333 с.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 1. Д. 33.

Стихотворения А. Леонова. М.: Изд. Я.А. Карнеева, 1882.

Филонов А.Г. Очерки Дона. СПб.: Тип. Королева и К°, 1859. 195 с.

REFERENCES

- Artinskij I. *Oчерk istorii Novoчерkasskoj vojskovoј gimnazii* [Essay on the history of Novoчерkassk army gymnasium]. Novoчерkassk: OVD tipografiya, 1907. 469 p. (in Russian).
- Baxtin M.M. *E'stetika slovesnogo tvorчestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M.: Iskusstvo, 1986. 445 p. (in Russian).
- Belinskij V.G. *Polnoe sobranie sochinenij. Tom tretij. Stat'i i recenzii (1839–1840). Pyatidesyatiletnij dyadyushka* [Full compilation of writings. Volume three. Articles and reviews (1839–1840). Fifty-year-old uncle] M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953. 682 p. (in Russian).
- Bichexvost N. Leonov Aleksej Alekseevich, donskoj poe't [Leonov Alexey Alekseevich, Don's poet] (17.07.2011). Available at: <http://www.serafimovich.org/leonov-a-a.html> (accessed 08 April 2019).
- Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Donskoj sluchaj (1860-e gg.) [Kazakomanstvo. Don case (the 1860s)]. Ch. III, in *Russkaya starina*. 2015. № 3 (15). Pp. 194–207, 201–202 (in Russian).
- Dobrolyubov N.A. *Sobranie sochinenij v 9-ti tomax* [Collected Works in 9 volumes]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury', 1962. 615 p. (in Russian).
- Donskaya xrestomatiya. Dlya donskix narodny'x shkol* [Don chrestomathy. For Don public schools]. Novoчерkassk: Tipografiya Upravleniya Artillerii vojska Donskogo, 1918. 409 p. (in Russian).
- Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska Donskogo* [Historical description of the Land of the Don Cossacks]. Novoчерkassk: Izdanie Vojskovogo Statisticheskogo Komiteta, 1867–1872. Kn.1–2 (in Russian).
- Istoricheskoe svedenie Vojska Donskogo o Verxnej Kurmoyarskoj stanice, sostavlennoe iz skazaniј starozhilov i sobstvenny'x primechanij Evlampiya Katel'nikova 1818 g. dekabrya 31 dnja [Historical information about the Don Army on the Upper Kurmoyarsk village, composed of old-timers' legends and Evlampiy Katelnikov's own notes 1818 December 31 days], in *Donskie vojskovy'e vedomosti*, 1860. №№ 12–16 (in Russian).
- Katel'nikov E.N. *Istoricheskoe svedenie Vojska Donskogo o Verxne-Kurmoyarskoj stanice, sostavlennoe iz skazaniј starozhilov i sobstvenny'x primechanij 1818 goda dekabrya 31 dnja* [Historical information Don Army on the Upper Kurmoyarsk village, composed of the stories of old-timers and their own notes of 1818 December 31 days]. Novoчерkassk: Obl. Vojska Don. stat. kom., 1886. 63 p. (in Russian).
- Polyakova A.N. "Potomok vspomnit obo mne..." (O donskom poe'te A.A. Leonove) ["A descendant will remember me ..." (About the Don's poet A.A. Leonov)] (24.11.2018). Available at: <http://avtor-dona.ru/bibliodom/leonov-a-a> (accessed 08 April 2019).
- Primechaniya na istoriyu drevniya i ny'neshniya Rossii g. Leklerka / Sochinenny'ya general-majorom Ivanom Boltiny'm* [Notes on the history of ancient and present-day Russia of Mr. Leclerc / Written by a Major General Ivan Boltin]. SPb.: Tip. Gornago uchilishha, 1788. T. 1. 615 p. (in Russian).

Pryanishnikov I.P. *Materialy' dlya istorii Vojska Donskogo: Gramoty'* [Materials for the history of the Don Army: credentials]. Novocherkassk: V vojskovoј tip., 1864. 333 p. (in Russian).

Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 330. Inv. 1. D. 33.

Stixotvoreniya A. Leonova [Poems by A. Leonov]. M.: Izd. Ya.A. Karneeva, 1882 (in Russian).

Filonov A.G. *Ocherki Dona* [Essays of the Don]. SPb.: Tip. Koroleva i K°, 1859. 195 p. (in Russian).